

Р.А. Юрьев

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Рассматривается тезис о единстве теории речевых актов путем сравнительного анализа феноменологии А. Райнаха и теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла в аналитической философии. Демонстрируется применение топического, тематического, генетического и методического параметров к сопоставлению данных теорий. Показано, что в результате «лингвистического поворота» в XX в. говорить о единой теории речевых актов можно лишь с учетом нюансов, связанных с различным пониманием понятия «значения» в феноменологии и аналитической философии.

Ключевые слова: теория речевых актов; значение; лингвистический поворот; перформативность; контекстуальность; антипсихологизм.

Теория речевых актов, как правило, известна благодаря работам таких философов XX в., как Дж. Л. Остин и Дж. Р. Серл и, как правило, рассматривается в рамках традиции аналитической философии. Дж. Остин и Дж. Серл, обращая внимание на дифференциацию языковых ситуаций и тех правил, которые ими управляют, выделили большое количество методологически важных понятий, с помощью которых анализ многообразных речевых актов стал претендовать на статус отдельной философской дисциплины, имеющей к тому же и определенное практическое и методологическое значение для гуманитарных наук. Понятие речевого акта прочно вошло в современный философский лексикон и вполне справедливо связано с именами названных авторов.

Однако существует точка зрения Кевина Маллигана [1. Р. 29–90] и Барри Смита [2, 3], согласно которой истоки теории речевых актов необходимо искать гораздо раньше, а именно, как это часто принято называть, в «континентальной» философской традиции. Истоки теории речевых актов современные исследователи К. Маллиган и Б. Смит связывают с именем Адольфа Райнаха – феноменолога начала XX в., одного из гёттинггенских учеников Эдмунда Гуссерля. Согласно их позиции, А. Райнах, хотя и оставил в философской традиции сравнительно небольшое количество своих произведений, тем не менее предвосхитил многие концептуальные новации классической теории речевых актов в аналитической философии. Поэтому проблема заключается в том, можно ли говорить об единой теории речевых актов, невзирая на различия, связанные с принадлежностью частных теорий к аналитической философии или феноменологии.

На сегодняшний день предпринимаются попытки сравнительного анализа традиции феноменологии и аналитической философии как в зарубежной, так и отечественной традиции. Если это и происходит, то часто в контексте преодоления контрверз «англо-американской» и «континентальной» философии. Но в то же время можно утверждать, что трансформация теории речевых актов в контексте «лингвистического поворота» редко является предметом отдельных исследований. Основной фокус исследований смещен в аналитику наиболее репрезентативных фигур в философии: Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г. Фреге, Л. Витгенштейна и др. Но это позволяет, в свою очередь, вписать изменения, произошедшие в теории речевых

актов в контекст более обширных трансформаций философии в XX в. в целом.

В зарубежной литературе, посвященной компаративному анализу, известен перевод статьи Д. Фоллесдала «Введение в феноменологию для философов-аналитиков» [4. С. 158–173]. Что касается собственно сравнения феноменологии и аналитической философии в самой работе, то оно проходит по линии сходства и различия понимания «значения» у Г. Фреге и Э. Гуссерля. Не вдаваясь в подробности исследования Д. Фоллесдала, укажем, что вопрос «значения» при сравнении феноменологической и аналитической теорий речевых актов является одним из наиболее важных. Забегая вперед, укажем, что все различия теории речевых актов в феноменологии и теории речевых актов в рамках аналитической философии связаны именно с этим обстоятельством.

В отечественной философии работы Е.В. Борисова [5; 6. С. 84–143; 7], В.А. Ладова [7], В.А. Суровцева [7] рассматривают феноменологию и аналитическую философию в процессе изменения параметров философствования в целом, в числе которых на первый план выдвигаются принципы «контекстуальности», «прагматики», «перформативности», «проективной открытости значения». Применительно к теории речевых актов в аналитической философии данные принципы позволяют рассматривать речевые акты как разновидность языковых игр, где конкретные речевые ситуации имеют смысл лишь в определенном социокультурном и историческом контексте. Употребление имен в данном случае связано с набором необходимых коннотаций, принятых в языковом сообществе. Выделенные отдельно Е.В. Борисовым в монографии «Основные черты постметафизической философии языка» параметры философской трансформации позволяют взглянуть на изменения в теории речевых актов как на закономерный процесс развития теории, связанный с переосмыслением понятия «значения» в XX в. В свою очередь, если говорить об единстве теории речевых актов независимо от принадлежности к традиции (о чем и пытается сказать Кевин Маллиган), то необходимыми являются не только вышеназванные параметры, показывающие различия, но и те, благодаря которым можно говорить об единстве теории речевых актов независимо от философской принадлежности. В.А. Суровцев, говоря об ответе на вопрос, что же такое «аналитическая философия», предлагает

рассматривать параметры, задающие «семейное сходство» текстов аналитических философов – а именно то, что они определяются «топически», «генетически», «тематически» и «методически» [8. С. 74]. Следовательно, можно говорить о возможном единстве теории речевых актов, используя данные параметры применительно к теории речевых актов в феноменологии А. Райнаха и теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла в аналитической философии.

Если взять в качестве основания топический и генетический параметр, то теория речевых актов в феноменологии и аналитической философии уходит своими корнями к работам одновременно как к родоначальникам феноменологии, так и аналитической философии. В первую очередь, здесь имеется в виду так называемая континентальная философия конца XIX – начала XX в. Теория речевых актов А. Райнаха, безусловно, связана с творчеством Ф. Brentano, Э. Гуссерля и Т. Липпса, но также подтверждается факт знакомства А. Райнаха с работой Г. Фреге «Основоположения арифметики» [9. С. 470]. Можно предположить, что знакомство являлось опосредованным и было первоначально инициировано прежде всего изучением работ Э. Гуссерля периода «Философии арифметики» и «Логических исследований».

В свою очередь, вероятно, что и на аналитическую теорию речевых актов оказали влияние работы Г. Райла, который живо, но критически интересовался феноменологией Э. Гуссерля и феноменологией М. Хайдеггера [10. С. 56]. В этом смысле дальнейшее обозначение Дж. Остином теории речевых актов, как «лингвистической феноменологии» уже не выглядит случайным, как и точка зрения Дж. Серла о том, что философия языка является частью философии, сознания, а такой знаковый термин феноменологии как «интенциональность», в поздних работах Дж. Серла начинает приобретать важное значение.

Тематическое рассмотрение теории речевых актов в феноменологии и аналитической философии выглядит следующим образом. Сразу оговоримся, что при сравнении тематического поля нужно учитывать как общие черты, так и нюансы, которые обусловлены историко-философской ситуацией в тот или иной период. К примеру, феноменология А. Райнаха, прежде всего, следует общей антипсихологической тенденции, свойственной как философии логического анализа Г. Фреге, так и феноменологии Э. Гуссерля раннего периода. Собственно говоря, «Априорные основания гражданского права» предваряют критика психологизма в общем виде, и отдельно выделенные критические пассажи по отношению к психологическим теориям. Во многом нужно учитывать, что общий посыл антипсихологизма, свойственного феноменологии и логическому анализу того времени, А. Райнах полностью разделяет. Такого же рода косвенная критика содержится и в более ранних работах А. Райнаха – «Кантово понимание проблемы Юма», «К вопросу о теории негативного суждения» [11. С. 43–75; 12. С. 95–152]. Можно утверждать, что он разделяет общие положения гуссерлевского анализа идеальных объектов, а потому по умолчанию отталкивается от его результатов, не вдаваясь в подробности гуссерлевской аргументации¹.

Таким образом, можно говорить об едином тематическом и проблемном поле в феноменологии и аналитической философии, а часто и об схожей категориальной структуре, с помощью которой оно анализируется. Но что касается Дж. Остина и Дж. Серла, то разработка теории речевых актов в аналитической философии уже происходит в ситуации *post factum*, когда психологистские теории в философии стали маргинальным явлением. Работы Г. Фреге, Э. Гуссерля, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и других сыграли здесь огромную роль. Потому и Дж. Остин и Дж. Серл действуют в уже внутри сложившегося и нового философского словаря. Иными словами, что Г. Фреге, Э. Гуссерлю и А. Райнаху предстояло обосновать, для Дж. Серла и Дж. Остина представляется достаточно очевидным.

Однако при более пристальном рассмотрении можно обнаружить важные различия в деталях. Характеризуя творчество Г. Фреге, В.А. Суровцев указывает: «... знание, претендующее на истинность, не должно принадлежать сознанию отдельного человека. Сама истина формирует объективные аспекты референции, поскольку выступает в качестве предметного значения, не зависящего от конкретной психической жизни. Таковы все истины науки, значение которых оставалось бы неизменным, даже если бы не существовало ни одного человека. Объективность мысли сродни объективности вещей внешнего мира, которые не изменяются ни под воздействием нашего мышления, ни даже усилием воли. Дерево как внешний объект моих психических процессов не изменяется в результате того, что моё отношение к нему имеет определённую психологическую окраску, оно не изменяется в результате того, что я всегда воспринимаю лишь его часть. Так и мысль, будучи воспринята, не меняет своей истинности, но всегда пребывает самоидентичной и неизменной» [15. С. 45]. С подобной характеристикой истины А. Райнах полностью бы согласился. Но при этом нужно учитывать, что платонизм Г. Фреге и А. Райнаха весьма различен по исполнению, что и необходимо продемонстрировать.

В работе «К вопросу о теории негативного суждения» А. Райнах критикует попытки связать негативное суждение с некими психологическими обстоятельствами. В психологистских теориях негативное суждение понималось как нечто такое, что относится к стороне сознания. А. Райнах больше интересуется смыслом того, что схватывается в суждении, рассматривая понятие «положения дел». Положение дел – это то, во что верится или утверждается в суждении, только они могут находиться в отношении основания и следования, принимать форму модальностей («форма предмета как таковая исключает модальность») [12. С. 121], в отличие от предметов могут быть позитивными или контрадикторно-негативными, не допуская при этом психологических характеристик в качестве атрибутивных. Тем самым, умозаключения представляют собой цепочку следований положений дел. Суждения «красная роза», «роза красная» отражают единый вещный комплекс, лежащий в основании положения дел. Если положение дел не существует, то тогда существует положение дел, ему противоположное. А это никаким образом не может быть

связано с психологически окрашенной концепцией негативного суждения как отрицания или отрицательного отношения к чему-либо. В этом смысле идеи А. Райнаха сходны по духу в антипсихологистском пункте с идеями Г. Фреге.

Иногда даже может показаться, что в некотором смысле А. Райнах вторит и вводимому Г. Фреге «принципу контекстности» («Необходимо всегда учитывать полное предложение. Только в нем слова обладают подлинным значением» (цит. по: [15. С. 36]), говоря следующее: «...предположим, что кто-то выражается вопреки тем или иным требованиям словоупотребления. В таком случае его прежде всего упрекали бы в том, что он выражается вопреки употреблению языка, но никогда то, что он говорит, не стало бы ложным из-за использования неупотребительного выражения, если оно правильно, или же правильным, если оно ложно. Значение предложения, конечно, не затрагивается выражением, здесь речь, действительно идет “лишь о различии слов” [12. С. 118]. Но это рассуждение не должно вводить в заблуждение. Вряд ли это можно назвать по-настоящему принципом контекстности по той причине, что хотя А. Райнахом и признается очевидность произвольности знака, в то же время смысл и значение представляют единое целое. А. Райнах не проводит различия смысла и значения предмета, поэтому при сопоставлении суждений «красная роза растет в саду», противопоставленном суждению «бытие красным розы растет в саду», второе представляется А. Райнахом бессмысленным не по той причине, что у «бытия красным розы растущей в саду» нет коррелята значения, а потому что оно «ложно и даже бессмысленно». Но сопоставив суждения «красная роза растет в саду» и, например, «*Souvenir du Docteur Jamain*⁷ растет в саду», мы увидим, что в райнаховской структуре положения дел невозможно помыслить эти суждения как эквивалентные, поскольку смысл жестко привязан к значению. Эквивалентными будут суждения типа «роза красная растет в саду», «в саду растет красная роза», «роза красная в саду растет» и т.д. Внимание А. Райнаха сфокусировано на предметной, а не функциональной стороне значения. В терминологии Г. Фреге можно было бы здесь сказать, что аргументная часть суждения является у А. Райнаха строго фиксированной, что потом налагает определенный отпечаток на всю теорию речевых актов и априорных оснований права в целом. В итоге значение и смысл у А. Райнаха, совпадая в его априорных основоположениях и сущностных законах, предшествующих позитивному праву, имеют свою специфику и свои ограничения, тем самым не допуская малейшей возможности перформативного использования, как это в дальнейшем произошло в теории речевых актов у Дж. Остина и Дж. Серла.

Значимость творчества Г. Фреге в становлении аналитической философии бесспорна, но при этом различие между смыслом и значением, согласно В.А. Ладову, привело к достаточно различным интерпретациям его трудов. Часто категория «значения», выделенная Г. Фреге, отсылает его творчество к так называемой реалистской позиции: в традиции аналитической философии творчество Г. Фреге, с одной стороны, виделось как демонстрация «референциалистской» семантики.

Иными словами, за знаками стоит объективная реальность, состоящая из материальных объектов. С другой стороны, категория «смысла» позволяла относить творчество Г. Фреге уже к «антиреалистской» позиции, в частности к «ментализму», где «значением слова здесь могут выступать только определенные психические переживания — ощущение, впечатление, намерение и т.д., которые подразумеваются агентом речи при произнесении выражений языка» [16. С. 16–17]. Существует также и позиция, согласно которой можно понимать «реализм в широком смысле, вводя сюда и область объективно существующих абстрактных объектов, и в таком случае Фреге представал как адепт универалистской семантики и снова становился реалистом (уже как платоник)» [Там же. С. 24].

Не вдаваясь в подробности «реалистских-антиреалистских» дискуссий по вопросу принадлежности Г. Фреге к той или иной позиции, укажем на фундаментальную важность самого различия смысла и значения, которое инициировало данные споры. Дело в том, что теория речевых актов Дж. Серла явно эксплицирует одну из сторон понимания «значения» в данном случае. Основные тезисы о значении³ можно понимать так, что намерения говорящего и слушающего необходимо дополнить конвенционалистской трактовкой значения. Дж. Серл в данном конкретном случае говорит о том, что в языке есть конвенции значения, установленные «конститутивными правилами». Смысл воплощен в намерении говорящего как некая субъективная медиальная сторона значения. Значения же устанавливаются конвенционально в результате общей языковой практики. Поэтому Дж. Серл считает, что игнорировать сущности, имеющие объективное существование в рамках социокультурного и исторического сообщества, преждевременно, поскольку они задают базовые параметры коммуникации.

Таким образом, несмотря на очевидность топического, генетического и тематического параметров в теории речевых актов в аналитической философии и феноменологии, обнаруживаются и достаточно принципиальные различия, связанные с исходным пониманием «значения» в качестве предпосылки, которые определяют и их специфический облик. Не нужно забывать и о разной терминологии, используемой А. Райнахом, с одной стороны, и Дж. Остином и Дж. Серлом — с другой, хотя и это различие, скорее всего, и следует из вышеназванных предпосылок.

Это необходимо помнить, говоря о методическом параметре. К. Маллиган отмечает особую тематическую общность теории речевых актов Дж. Л. Остина и социальных актов А. Райнаха. Оба они открывают новую сферу философии, рассматривая такие социальные и речевые акты, как сообщение, вопрошание, распоряжение, принятие обещания и т.д. [1. Р. 28]. Но при этом для Дж. Остина важно то, что «целостный речевой акт в целостной речевой ситуации — это то единственное реальное явление, объяснением которого мы в конечном итоге занимаемся» [18. С. 117]. Для английского мыслителя характерно внимание к контексту и речевой ситуации в целом. Поэтому он и предлагает при анализе речевого акта рассматривать внешние условия его успешности / неудачности.

Для А. Райнаха же характерно внимание для выявления априорной, своего рода «эйдетически» усматриваемой структуры. Но, тем не менее, с точки зрения К. Маллигана, Дж. Остин и А. Райнах, несмотря на совершенно различный теоретический фундамент, приходят примерно к тем же заключениям о чертах речевых актов и необходимости различения лингвистических и нелингвистических компонентов. Новаторство А. Райнаха в рамках феноменологической традиции заключается в том, что он акцентирует внимание не только на ментальных состояниях, но и, связывая эти состояния с лингвистической оболочкой, вводит понятие «социальный акт».

Схема социального акта, предложенная А. Райнахом, следующая: субъект («Я») обнаруживает себя во внутренних (внутренние акты) и внешних переживаниях. Наряду с внутренними актами существует и их внешнее выражение, которое не является для них необходимым условием. «Акту как таковому это не присуще (то, что решение может выражаться в мимике, жестах, быть изъясненным во вне, сообщенным другим. – Р.Ю.), не является для него необходимым. Он вполне может протекать внутренним образом, он может спокойно пребывать в самом себе, не получая внешнего выражения <eine Äußerung> в каком бы то ни было смысле» [14. С. 175].

Необходимым условием именно «социального акта» является его выражение – «распоряжение и просьба не могут осуществляться чисто внутренним образом» [Там же]. Это «переживания направленные на другое лицо» (А. Райнах). Подобного рода переживания «проникают в другого», нужно, чтобы другой «им внял». Именно здесь можно говорить о своего рода перформативности социального акта в данном понимании. «Все это социальные акты (просьба, увещание, вопрошание, распоряжение, сообщение, обещание. – Р.Ю.), которые тот, который их осуществляет, в ходе самого осуществления направляет другому лицу, чтобы закрепиться в его душе» [Там же. С. 176]. Согласно К. Маллигану, это значит, что социальный акт не является ни ментальным действием, ни внелингвистическим, ни лингвистическим действием – это «фундаментально новое понятие», включающее в себя сразу три компонента [1. Р. 35].

Социальный акт у А. Райнаха – это и слова, намерения и их усвоение. При этом всегда нужно учитывать неконтекстуальный, неперформативный, непрагматический и строго фиксированный характер значения в его теории. Если в аналитической философии в качестве методического отличия выдвигается внимание к средствам самого философствования, к тонкостям словоупотребления – особенно как это ярко проявилось в творчестве Дж. Остина, то схожие отрывки у А. Райнаха, когда он приводит пример с выражением «я хочу сделать это для тебя» – и здесь, согласно К. Маллигану, можно говорить и о сообщении, о воле, о намерении и об обещании, – не должны вводить в заблуждение. В результате К. Маллиган говорит здесь о схожести понимания между А. Райнахом и Дж. Остином класса имплицитных («неэксплицитных») перформативов. Поэтому здесь, несмотря на «аналитичность» рассуждений А. Райнаха, исследования

«естественного словоупотребления» не носят систематического характера.

Однако феноменологическая теория речевых актов вполне успешно решает ряд проблем, связанных с анализом «ситуации обещания», которой посвящен значительный пласт исследований теории речевых актов в аналитической философии. А. Райнах говорит, что обещание естественным образом порождает требование и обязательство. Значения статичны, отражают идеальное положение дел и схватываются аналогично гуссерлевскому категориальному созерцанию. Здесь феноменологическая теория речевых актов близка к реалистскому (платоническому) пониманию творчества Г. Фреге, поскольку существует идеальное содержание акта действия, и это идеальное содержание должно быть полностью реализовано во всех возможных мирах. Идея обещания и того, что из него следуют требования и обязательства, может быть схвачено только понятием. Здесь оказывается, что истина существует без эмпирического субъекта. В аналитической теории речевых актов полностью отражается прагматический и перформативный поворот современной мысли, при котором контексты, правила, конвенции являются необходимым условием действия и этики. Для феноменологии значение не дополняется конвенциями и не устанавливается правилами, а мыслится самостоительным.

Если открытие теории речевых актов в аналитической философии состояло в том, что произнесения слов служат не только выражению пропозиций, но и совершению действий, а иллокутивные акты связаны с определенными типами произнесений с различной иллокутивной силой, то подобная характеристика по отношению к теории речевых актов в феноменологии достаточно условна. Значения речевых актов статичны, а потому и рассматриваются в терминах «схватывания», «категориального созерцания», «эйдетической интуиции», «познания положения дел». Речевой акт в аналитической философии может быть понят в контексте терминологии «употребления», «действия», «осуществления намерения». Здесь упор делается на динамике значения, способах употребления, контекстах и иллокутивной силе говорящего (особенно, если рассматривать теорию речевых актов у Дж. Серла, где он вводит понятие «статусные функции»). Аппликация положений о иллокутивной силе может быть рассмотрена и на примере аскриптивного характера юридических понятий, детально разработанного одним из единомышленников Дж. Остина, основателем аналитической философии права Гербертом Хартом [19], где установление значения требует внешнего авторитетного источника, выносящего вердикт.

Постановка проблемы речевого акта в феноменологии заслуживает пристального внимания хотя бы потому, что сравнивая ее с более новыми версиями теории речевых актов в аналитической философии, мы можем отследить как в истории философии XX в. происходят значительные сдвиги в понимании того, что есть истина, как она познается и какова ее роль. Отсюда, можно утверждать, что теория речевых актов в современной философии представляет собой единое яв-

ление с достаточно очерченными границами и предметом исследования, которое формировалось в разных философских традициях и в зависимости от их оснований имеет собственный исследовательский потенциал и своеобразие. Если говорить о том, что сравнение различных версий теории речевых актов в феноменологии и аналитической философии не приводит утверждению однозначного единства теории, ввиду рассмотренных нами нюансов, то можно заметить, что феноменологическая теория речевых актов вносит свой вклад в становление «постметафизической онтологии». По-своему ставя, но не раскрывая проблем интерсубъективности и коммуникации, теория А. Райнаха предвосхищает в определенном смысле попытки преодоления «методического солипсизма» Э. Гуссерля позднего периода.

В качестве итога отметим следующее. Во-первых, существует общее тематическое поле речевых актов для феноменологии и аналитической философии, связанное с анализом речевых ситуаций. Во-вторых,

можно говорить об общем топическом и генетическом источнике двух теорий, что связано с тенденцией критики психологизма в континентальной философии в начале XX в. Здесь речь идет, прежде всего, о работах Г. Фреге и Э. Гуссерля. В то же время, в-третьих, можно обозначить значительные различия в методическом параметре двух теорий, где основная демаркационная линия связана со статическим и динамическим характером значения. В аналитической теории речевых актов реализуется конвенционалистская трактовка значения, в то время как в феноменологической версии речевых актов можно говорить о значении в реалистском смысле. Поэтому если использовать терминологию Л. Витгенштейна, то можно скорее говорить о «семейном сходстве» двух теорий в рамках единого тематического поля, нежели об их прямой преемственности, что, тем не менее, оставляет вопрос об их диалоге открытым для последующих историко-философских дискуссий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тем не менее платонические мотивы в философии А. Райнаха, свойственные Э. Гуссерлю раннего периода, крайне сильны. Для наглядности, можно сравнить следующие высказывания А. Райнаха и Э. Гуссерля. А. Райнах пишет: «... те образования, которые общепринято называть специфически правовыми, обладают бытием так же, как числа, деревья или дома; что это бытие независимо от того, постигается ли оно людьми или нет, что оно, в частности, независимо от какого бы то ни было позитивного права. Не только ложно, но и по своему последнему основанию бессмысленно считать правовые образования творениями позитивного права <...> В действительности имеет место то, что так ревностно оспаривается: позитивное право преднаходит те правовые понятия, которые входят в него; оно ни в коем случае их не производит <...> Такого рода априорные положения имеются в изобилии, строго формулируемые и с очевидностью усматриваемые, независимые от какого бы то ни было постигающего их сознания, независимые и от каких бы то ни было вещей любого позитивного права, точно так же, как и те правовые образования, по отношению к которым они значимы» [13. С. 156–157]. «Если мыслящих существ нет, если устройство природы исключает их, — пишет Э. Гуссерль — и они, стало быть, реально невозможны — если для известных классов истин нет существ, которые были бы способны познать их, — тогда эти идеальные возможности лишены осуществляющей их действительности; в этом случае воспринимание, познание, сознание истины (или же известных классов истин) никогда и нигде не реализуется. Но каждая истина сама по себе остается такой, какова она есть, сохраняет свое идеальное бытие» [14. С. 266].

² *Souvenir du Docteur Jaimin* — это сорт роз красного цвета.

³ Тема значения и смысла отдельно рассматривается в работе Дж. Сёрла «Speech Acts: An Essay in Philosophy of Language» в параграфе «Meaning» («Значение»):

«Понимание предложение есть знание его значения.

1. Значение предложения определяется правилами, и эти правила устанавливают и условия произнесения и что произнесение позволяет считать нечто как (counts as).

2. Произнесение предложения и значение являются содержанием: (а) намерения (i-1) заставить слушателя знать (узнать, быть предупрежденным), что определенные положения дел установлены определенными правилами; (b) намерения заставить слушателя знать (узнать, быть предупрежденным) это посредством признания (i-1) и намерения (с) заставить его признать (i-1) в силу его знания правил произнесенного предложения.

3. Тогда предложение обеспечивает конвенциональные средства для достижения намерения произвести определенный иллюкутивный эффект на слушателя. Если говорящий произносит предложение и он имеет его в виду, то он будет иметь намерения (а), (b), (с). Понимание слушателем предложения будет просто состоять в постижении тех намерений. Намерения будут достигнуты, если слушатель понимает предложение, то есть знает его значение, то есть знает правила определяющие его элементы» [17. Р. 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. Mulligan K. Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure/Speech Acts and Sachverhalt. Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Doordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. P. 29–90.
2. Smith B. Austrian philosophy. The legacy of Franz Brentano. Open Court Publishing Company Chicago and LaSalle, Illinois 1994. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/book/austrian_philosophy.
3. Smith B. An essay on material necessity. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/articles/reinach.html#N_1.
4. Фоллесдал Д. Введение в феноменологию для философов-аналитиков // Логика, онтология, язык. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 158–173.
5. Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.
6. Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической онтологии. Вильнюс : ЕГУ, 2008. Т. 1. С. 84–143.
7. Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык. Сознание. Мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс : ЕГУ, 2010.
8. Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб. : Изд-во философского факультета СПбГУ, 2012.
9. Куренной В. Комментарии и примечания // Райнах А. Собрание сочинений. М. : ДИК, 2001.
10. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009.
11. Райнах А. Кантово понимание проблемы Юма // Собрание сочинений. М. : ДИК, 2001. С. 43–75.
12. Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Собрание сочинений. М.: ДИК, 2001. С. 95–152.
13. Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994. Т. 1.
14. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Собрание сочинений. М. : ДИК, 2001. С. 153–326.
15. Суровцев В.А. Автономия логики: источники, система и генезис философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001.

16. Ладов В.А. Семантика и онтология: проблема реальности в аналитической философии : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.
17. Searle J.R. *Speech Acts: An Essay in Philosophy of Language*. Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
18. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 22–130.
19. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 октября 2017 г.

THE THEORY OF SPEECH ACTS IN PHENOMENOLOGY AND IN THE ANALYTIC PHILOSOPHY: THE EXPERIENCE OF A COMPARATIVE ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 88–93.

DOI: 10.17223/15617793/434/11

Roman A. Yuriev, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: yuriev2003@mail.ru

Keywords: theory of speech acts; meaning; linguistic turn; performativity; contextuality; anti-psychologism.

The article views the thesis about the unity of the theory of speech acts in the twentieth-century philosophy by the comparative analysis of A. Reinach's phenomenology and J. Austin and J. Searle's theory of speech acts in the analytic philosophy. The topical, genetic, thematic and methodological parameters to the comparison of these theories have been applied in the article. The comparison of these theories allows considering the extensive transformations of the contemporary philosophy. Topical and genetic parameters demonstrate that the sources of the theory of speech acts are philosophical investigations of Franz Brentano, Gottlob Frege and Edmund Husserl. There are common features and specific nuances that should be taken into consideration while making a thematic comparison between the theory of speech acts in phenomenology and the theory of speech acts in the analytic philosophy. The fact that unites these directions is that Reinach's theory moves in the common stream of the anti-psychological tendency. This tendency shows us the solidarity of Reinach's phenomenology and Frege's point of view. But the distinction is that Frege's structure of "meaning" gives the chance of interchangeability of the elements in the proposition, because the structure is focused on the functional aspects of "meaning". Further this circumstance provides the development of speech acts in the analytic philosophy as performative, contextual and pragmatic actions. For example, in Searle's speech acts theory, the intentions of a speaker are supplemented with conventional conditions. These conditions provide the stability of meaning. Reinach's point of view is that "meaning" exists as an eidetic partless element. Therefore it is necessary to understand the non-performative, non-contextual and non-pragmatic character of "meaning" in his theory. For this reason, the analysis of a natural language has no systematic character. The "meaning" of speech acts is static and can be considered only in terms of "categorical intuition" and "cognition of state of affairs". The speech act in the analytic philosophy can be understood in the context of the terms "usage" and "action". Thus one can speak about the unity of the theory of speech acts in the phenomenological and analytic philosophy by considering some features of foundations of these theories. Fairly speaking, one can agree that Reinach's phenomenology opens a new field of philosophy by anticipating Husserl's research in the themes of "life-world" and "intersubjectivity", and also makes a contribution to the formation of the "post-metaphysical philosophy of language". One should speak about the "family resemblance" of Reinach's phenomenology and Austin and Searle's theory of speech acts in the analytic philosophy in the framework of a separate thematic field rather than assert the unity of these theories.

REFERENCES

1. Mulligan, K. (1987) *Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure/Speech Acts and Sachverhalt. Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers. pp. 29–90.
2. Smith, V. (1994) *Austrian philosophy. The legacy of Franz Brentano*. Chicago; LaSalle IL.: Open Court Publishing Company. [Online] Available from: http://ontology.buffalo.edu/smith/book/austrian_philosophy.
3. Smith, B. (1992) *An essay on material necessity*. [Online] Available from: http://ontology.buffalo.edu/smith/articles/reinach.html#N_1.
4. Follesdal, D. (2006) *Vvedenie v fenomenologiyu dlya filosofov-analitikov* [Introduction to phenomenology for analyst philosophers]. Translated from English. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, ontology, language]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Borisov, E.V. (2009) *Osnovnye cherty postmetafizicheskoy ontologii* [The main features of post-metaphysical ontology]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Borisov, E., Inishev, I. & Furs, V. (2008) *Prakticheskiy povорот v postmetafizicheskoy ontologii* [A practical turn in post-metaphysical ontology]. Vol. 1. Vilnius: EHU. pp. 84–143.
7. Borisov, E.V., Ladov, V.A. & Surovtsev, V.A. (2010) *Yazyk. Soznanie. Mir. Oчерки komparativnogo analiza fenomenologii i analiticheskoy filosofii* [Language. Consciousness. World. Essays on comparative analysis of phenomenology and analytical philosophy]. Vilnius: EHU.
8. Surovtsev, V.A. (2012) [On methods of the analytic philosophy]. *Analiticheskaya filosofiya: problemy i perspektivy razvitiya v Rossii* [The analytic philosophy: problems and prospects for development in Russia]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 29–31 May 2012. St. Petersburg: Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. (In Russian).
9. Kurennoy, V. (2001) *Kommentarii i primechaniya* [Commentaries and notes]. In: Reinach, A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: DIK.
10. Vasil'ev, V.V. (2009) *Trudnaya problema soznaniya* [The hard problem of consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya.
11. Reinach, A. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: DIK. pp. 43–75.
12. Reinach, A. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: DIK. pp. 95–152.
13. Husserl, E. (1994) *Filosofiya kak stroгая nauka* [Philosophy as a Rigorous Science]. Translated from German. Vol 1. Novocherkassk: Saguna.
14. Reinach, A. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: DIK. pp. 153–326.
15. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: istochniki, sistema i genezis filosofii rannego Vitgenshteyna* [The autonomy of logic: the sources, system and genesis of the philosophy of the early Wittgenstein]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Ladov, V.A. (2010) *Semantika i ontologiya: problema real'nosti v analiticheskoy filosofii* [Semantics and ontology: the problem of reality in the analytic philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Searle, J.R. (1969) *Speech Acts: An Essay in Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Austin, J.L. (1986) *Slovo kak deystvie* [How to do things with words]. In: Gorodetskiy, B.Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The new in foreign linguistics]. Is. 17. Moscow: Progress. pp. 22–130.
19. Ogleznev, V.V. (2012) *G.L.A. Khart i formirovanie analiticheskoy filosofii prava* [H.L.A. Hart and the formation of the analytic philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 15 October 2017